

УДК: 94

**«РУССКИЕ, САРАНЧА И ХОЛЕРА»: «ПРЕССЕ» О ПРИСУТСТВИИ РОССИИ
В ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВАХ (1848–1854 ГГ.)****Михеев М.Г.**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация

В статье на основе материалов одной из ведущих либеральных газет Австрийской империи «Прессе» (Die Presse) анализируется ранее практически не исследованная проблема восприятия австрийским общественным мнением русского влияния в Дунайских княжествах в 1848–1854 гг. Исследование показывает, что России приписывалось намерение поглотить княжества, являвшиеся объектом австро-русской конкуренции и потенциальной конфликтной зоной. Отчетливо был замечен страх окружения Австрии Россией и зависимыми от нее территориями. При этом обращалось внимание на использование Петербургом религиозного фактора при осуществлении политики в регионе с преобладающим православным населением. Автор отмечает, что в публикациях газеты осязаемо проявился образ России как «варварского Востока» и одновременно – «нависающего северного колосса», «спрута», с помощью изоэтренированной дипломатии стремящегося поглотить Турцию, а затем подчинить Европу. Ожидаемое присоединение Россией княжеств воспринималось как первый шаг на этом пути. Россия на страницах «Прессе» предстает не просто политическим конкурентом, а чужеродным культурным явлением, от которого исходит опасность основам европейской цивилизации. Австрия при этом воспринимается как барьер на пути «восточного варварства». Материалы издания демонстрируют, что Вена тяготилась ролью младшего партнера Петербурга, и в перспективе это могло стать одним из мотивов, определяющих австрийскую внешнюю политику. Делается вывод, что изучение трактовки газетой присутствия России в Дунайских княжествах помогает в объяснении австрийской политики периода Крымской войны.

Ключевые слова

Балканы, Россия, Австрия, Дунай, Габсбурги, Образ Другого, австро-русские отношения, Молдавия, Валахия, русофобия.

Введение

Дунайские княжества Молдавия и Валахия, в середине XIX века входившие в состав державы Османов, традиционно являлись зоной повышенного интереса двух сопредельных империй – Австрийской и Российской. Для Австрии имело принципиальное значение, что эта область находилась в нижнем течении Дуная, установление контроля над которым считалось необходимым для обеспечения безопасности монархии. Ощутимым было коммерческое значение реки. Кроме того, наиболее многочисленной этнической группой входившей в состав монархии и соседствовавшей с княжествами области Трансильвания являлись румыны. Таким образом, ситуация в Молдавии и Валахии затрагивала интересы не только австрийского правительства, но и венгерской верхушки, отношения с которой в значительной мере определяли внутреннюю стабильность империи.

Тревога Вены еще больше возросла, когда в 1848 г. Россия ввела в княжества войска для купирования революционных волнений. Поглощенное борьбой с собственной революцией,

правительство Габсбургов было вынуждено ограничиться ролью наблюдателя. Иначе сложились обстоятельства в период Крымской войны, когда Австрия заняла позицию враждебного России нейтралитета.

Рассматриваемый период характеризуется заметным ростом влияния общественного мнения. Правящему слою Дунайской монархии становилось все труднее игнорировать настроения политически активного городского населения. Одним из главных каналов формулирования этих настроений стала пресса, развитие которой получило мощный импульс с отменой цензуры в 1848 г. Особенно современники отмечали активность либеральных изданий как самостоятельный фактор в международной политике [6, С. 161].

В монархии Габсбургов одним из главных выразителей мнений этого лагеря стала газета «Прессе» (Die Presse) – ежедневное издание, появившееся в 1848 г. и быстро приобретшее популярность. Газета располагала широким кругом источников, а ее издатель и редактор Август Цанг обладал внушительной сетью контактов. В качестве одного из ведущих органов венской периодики упоминал «Прессе» крупный саксонский, а позже австрийский государственный деятель Ф. Бойст [14, S. 182]. Со вниманием к изданию Цанга относился сам Франц Иосиф: в одном из писем к Катарине Шратт он назвал «старую Прессе» своим «лейб-журналом» [84, S. 93]. Указанные особенности делают целесообразным исследование проблемы восприятия австрийцами русского присутствия в Дунайских княжествах на основе именно этого издания.

В историографии на интерес Австрии к нижнему течению Дуная обращали внимание уже в XIX столетии [10; 11; 2]. Объектом изучения становилась австрийская внешняя политика в период Крымской войны [16; 83; 79; 78]. Существует немало работ по общей истории Румынии и Балканского региона в этот период [82; 4; 81; 8; 19]. Затрагивалась проблема восприятия России общественным мнением Австрии в целом [17; 12]. В последние годы устойчивый интерес исследователей вызывает имперская проблематика [7; 9]. Вместе с тем настоящая статья является, по-видимому, первой попыткой специального рассмотрения восприятия австрийским общественным мнением середины XIX века русского влияния в княжествах.

Представляется важным понять, как именно воспринимались Молдавия и Валахия слоями, начинавшими играть все более заметную роль в политической жизни монархии, каким виделся австрийский интерес в княжествах и какой была реакция на русское влияние там. Необходимо выяснить, как соотносились идеи и представления, высказываемые об этом предмете «Прессе», с внешней политикой Австрии. Для решения поставленных задач в статье используются аналитический и описательный методы.

Хронологические рамки исследования, с одной стороны, – появление издания летом 1848 г., с другой – июнь 1854 г., когда в Петербург из Вены была отправлена нота, фактически представлявшая собой ультиматум с требованием вывести из княжеств войска. Этот документ стал официальным выражением кардинального поворота в политике Австрии, положившего конец многолетнему австро-русскому союзу. Важным аспектом темы является то, что в своем развитии она выводит на более крупный вопрос австро-русских противоречий на Балканах, приобретших в итоге судьбоносное значение для международных отношений в Европе.

«Окружение» Австрии Россией

Поднявшаяся во Франции революционная волна 1848 г. быстро достигла Молдавии и Валахии, вызвав повышенное внимание Петербурга, осуществлявшего, согласно договорам с Турцией, покровительство над этими провинциями. В апреле для выяснения обстановки туда был направлен генерал А. О. Дюгамель, а уже в первой половине лета распространились слухи о предстоящем вводе в княжества русских войск [21, S. 4].

В это время в Австрийской империи, где одним из результатов революции была отмена цензуры, создавались новые органы печати, получившие значительную степень свободы в трактовке внешнеполитических вопросов. «Прессе» стала наиболее ярким и жизнеспособным изданием, возникшим в этот период. С самого начала Дунайские княжества были заметной

точкой на внешнеполитическом горизонте редакции. Уже во втором выпуске газеты сообщалось о принятии в актовом зале венского университета депутации молдаван, критически высказавшейся о контроле России над устьем реки. Автор заметки заявлял, что у Германии, югославянских и романских народностей один общий враг, «враг самой цивилизации – русские» [20, S. 2]. Эта публикация задала тон для последующих сообщений.

В эти же дни прозвучали ламентации по поводу укрепления Россией позиций на юго-западе на фоне неурядиц в Европе [21, S. 4]. Подозрительность относительно намерений Петербурга порождала причудливые предположения. Так, русский посланник при венском дворе П. И. Медем писал канцлеру К. В. Нессельроде о распространившемся в Австрии слухе о передаче Турцией России княжеств за определенную компенсацию [1, С. 193].

Публикации «Прессе» свидетельствовали о симпатиях редакции к румынским революционным кругам, которые, как правило, были настроены антирусски. Сообщалось, что временное правительство в Бухаресте собирается передать Николаю I обращение с просьбой признать за княжеством возможность внутреннего самоуправления. В противном случае правительство якобы собиралось требовать защиты и помощи всей Европы. Утверждали, что русскому консулу был отправлен формальный протест против ввода войск [22, S. 4], в связи с которым ожидалось переделывание конституции в интересах Петербурга [23, S. 4]. Одновременно высказывалась надежда на проникновение прогрессивных идей из княжеств в консервативную Россию [25, S. 4].

Редакция целенаправленно формировала у читателей представление об отрицательной роли России в жизни княжеств. Анонимный корреспондент из Ясс сообщал: «...русские, саранча и холера в соединении чрезвычайно повредили нашей земле физически и морально...» [24, S. 3]. Тот же автор выражал сожаление, что Австрия ведет себя пассивно, хотя «на кону в данном случае стоит величайшая немецкая река» [24, S. 4]. Используя безымянных корреспондентов, редакция, вероятно, подавала собственные взгляды. На это предположение наводит нарочитый в устах молдаванина акцент на «немецком» характере Дуная. А также, например, публикация корреспонденции из Афин, где высказывалась аналогичная мысль [29, S. 4].

В Габсбургской монархии область нижнего Дуная действительно воспринималась как зона австрийских и, шире, немецких интересов. По словам известного публициста Франца Шузелки Россия окружала Австрию полукольцом «от Кракова до Черногории», в то время как на нижнем Дунае, где еще одно поколение назад раздавались мольбы об австрийском господстве, теперь хозяйничали «русские сатрапы» [80, S. 14].

В этой связи закономерно выглядели жалобы на самоуправство русской администрации в княжествах и обеспокоенность недостаточно энергичной австрийской политикой [26, S. 3; 28, S. 3]. В результате возникало опасение, что княжества станут жертвой «нависающего северного колосса» [27, S. 3]. На этом фоне даже власть Турции изображалась как более предпочтительная [29, S. 4]. Однако подчеркивалось, что, если Турция распадется, дунайская область должна отойти к Венгрии: «на юге речь идет о свободе Дуная и Черного моря, а также об обеспечении наших флангов, которое требует от нас никогда не допустить попадания княжеств в русские руки» [30, S. 2].

Мысль о флангах и окружении Австрии звучит рефреном: Адрианопольский мир, утверждал автор одной из публикаций, фактически поставил княжества «под русское господство, оформил похожее положение Сербии, предоставил России ключ к Дунаю и в стратегическом отношении завершил охват Австрии от Силезии до Боснии» [34, S. 2]. Такой взгляд на географию неминуемо подводил к заключению, что главная внешняя угроза для Австрии исходит от России.

Корреспонденты «Прессе» подчеркивали, что «румынская национальность» является потенциальным препятствием на пути России в Константинополь [31, S. 2]. В свете последовавшей через несколько лет Крымской войны интересно утверждение об ожидании валашских революционеров, что «вскоре возникнет всеобщий пожар на Востоке, который очень вероятно вызовут турки своей глупостью и русские – своей жадной завоеваний» [33, S. 4]. Когда же турецкие и русские войска в конце сентября 1848 г. заняли Бухарест, в «Прессе» с грустью констатировали, что «свобода румын похоронена» [32, S. 4]. По отношению к ориентировавшимся на Россию консервативным боярам использовался термин «русопоклонничество» (Russolatricie) [36, S. 1].

О нарастающей тревоге из-за невозможности повлиять на ситуацию свидетельствовал тезис, что последний ввод русских войск в княжества говорит о намерении Петербурга присоединить эти земли [35, S. 2]. Проявились общие для центрально- и западноевропейских стран этого периода представления о России как об экзистенциальной угрозе. Австрия при этом воспринималась как «сильное укрепление цивилизации Запада против варварства Востока» [38, S. 1]. Авторы «Прессе» декларировали, что «самое серьезное противодействие России (со стороны Австрии – М. М.) всегда будет на Дунае» [37, S. 1]. Как заметили в другом издании, «Дунай с его княжествами Господь отдал Австрии, ни одна держава после турок не может нас в будущем там отделить от моря» [17, S. 152].

Издание охотно информировало читателей о недовольстве западных держав русским военным присутствием в княжествах [39, S. 3; 40, S. 3; 42, S. 4]. Тем самым давалось понять, что действиями России возмущена вся Европа. В то же время, избегая прямой речи, редакция предупреждала возможные нарекания со стороны властей в период, когда именно из Валахии русские войска по запросу австрийских военных вошли в Трансильванию для борьбы с венгерскими революционными отрядами. Эти события стали еще одним проявлением глубокого кризиса в монархии Габсбургов. Смягчая удар по австрийскому самолюбию, газета подчеркивала, что русская помощь в Трансильвании лишена всякой политической окраски [41, S. 1].

Вопрос русского присутствия в княжествах оставался в поле зрения «Прессе» даже в период апогея венгерского восстания, когда издание освещало миссию генерала П. Х. Граббе в Константинополь, отмечая традиционно умелый и скрытный характер русской дипломатии, а также то, что предметом миссии являются Молдавия и Валахия [43, S. 3]. Не зная содержания заключенной между Россией и Портой Балта-Лиманской конвенции, автор публикации утверждал, что этот документ еще больше увеличит влияние России в Турции [44, S. 3].

В ходе подавления венгерского восстания опасения из-за присутствия России в княжествах должны были усугубиться, поскольку часть русских войск именно оттуда вошла на территорию Австрии. Этим подкреплялось убеждение, что Россия якобы окружает Австрию. В случае прекращения сотрудничества Вены и Петербурга угроза из потенциальной превращалась бы в реальную.

Вскоре после подавления восстания «Прессе» продолжила открытую критику русской политики. На фоне конфликта между Веней, Петербургом и Константинополем из-за венгерских и польских революционеров, бежавших в Турцию, в выпусках октября-ноября 1849 г. были опубликованы статьи, вызывающие особый интерес тем, что как бы предвосхищали политику венского кабинета и ряд других событий периода Крымской войны. Турция называлась здесь одним из «естественных союзников» Австрии, а также утверждалось, что в возможной войне России и Австрии с Портой Австрия «оказалась бы в неестественной борьбе против всей Европы» и «в самом благоприятном случае служила бы только основанием для чудовищной силы и гигантского тела своего врага» [45, S. 1]. Таким образом, австрийское правительство еще не успело казнить лидеров восстания, подавленного с помощью русских войск, а Россия на страницах «Прессе» уже объявлялась врагом. Австрийских либералов пугала ассоциация с консервативной Россией перед лицом «всей Европы». Эти настроения усиливались слухами, что русский царь за оказанную Австрии помощь получит компенсацию, в качестве которой назывались и Дунайские княжества [17, S. 167].

Турция, писала тогда «Прессе», во всей Европе «не будет иметь более верного, бескорыстного и деятельного союзника, чем Австрия» [46, S. 1]. При этом проявились ожидания будущей войны с Турцией [47, S. 1]. Ее можно было лишь отсрочить, но вряд ли – избежать. Предполагалось, что в этой войне Англия и Франция будут противостоять России с целью не допустить ее дальнейшего усиления [48, S. 1]. Формулировалось представление о солидарности европейских держав в неприятии присутствия России на Балканах.

Русскому правительству приписывались планы постепенного поглощения всех дунайских земель с целью «охватить с этой стороны границы Австрийской и Османской империй на всем их протяжении своими длинными щупальцами спрута» [49, S. 2]. Такая угроза ощущалась не только либеральными публицистами. Например, участник австрийской оккупации Молдавии и Валахии

в 1854–1856 гг. граф Вимпффен писал, что дальнейшее продвижение России на юго-запад подвело бы половину австрийской монархии русскому влиянию и окружению Россией, напрямую и через подчиненные государства [85, S. 55]. В этот же период на страницах «Прессе» встречаются утверждения о зависимости Австрии от России, согласно которым с конца 1820-х гг. австрийская дипломатия должна была преклоняться перед Нессельроде, своим «господином и наставником» [51, S. 1]. Можно с осторожностью предположить, что артикуляция этих страхов в либеральной прессе соответствовала опасениям и правящего слоя монархии.

Авторы издания обращали внимание на использование «московитской дипломатией» религиозного рычага в балканской политике. Утверждалось, что даже римский папа не взаимодействует так близко с клиром католических стран, как император Николай – с иерархией княжеств [50, S. 1]. Беспокоейство вызывала благотворительная деятельность Петербурга, направленная на православных жителей, входивших в состав Австрии Воеводины и Баната. Такие действия истолковывались как преследование петербургским кабинетом подрывной цели, «полное достижение которой неизбежно должно будет окончиться политической смертью всех его соседей» [50, S. 1]. Характерно, что совсем не клерикальная газета называла православных верующих «схизматической церковью» [50, S. 1]. Таким образом, для конструирования образа России либералы охотно пользовались старыми католическими штампами.

В целом же в период между завершением конфликта, связанного с польско-венгерскими беженцами, и восточным кризисом 1853 г. тема русского присутствия в княжествах практически сходит на нет, если не считать редких публикаций, подобных, например, ревнивому упоминанию пышного празднования в Бухаресте имени Николая I [52, S. 6].

Реакция на восточный кризис 1853 г. и начало Крымской войны

Одним из волновавших австрийских наблюдателей аспектов миссии князя А. С. Меншикова, положившей начало восточному кризису 1853 г., были именно княжества. Еще до отъезда русской миссии из Константинополя «Прессе» перепечатала сообщение близкого к правительству издания «Вандерер» (Wanderer), где уже звучали опасения возможного занятия русскими Молдавии и Валахии [53, S. 7]. Спустя две недели эти слухи поступили из собственных источников газеты [54, S. 5].

В июне, на фоне попыток Вены отговорить Петербург от этого шага [18, S. 82], издание призывало к сохранению мира в Европе [55, S. 4]. В то же время газета активно цитировала французские и английские издания, которые не сдерживались в оценках русской политики [58, S. 5]. Так, 27 августа было опубликовано переложение статьи «Таймс» (Times) об ответственности России в заиливании устья Дуная [60, S. 5]. Перед Крымской войной в Европе было распространено предположение, что Россия сознательно препятствует осуществлению торговли по Дунаю [3]. «Прессе» указывала на трудности венских фирм, ведущих дела с Востоком, в условиях русско-турецкого конфликта [63, S. 3]. Чувствительность в вопросе коммерции не случайна, поскольку к этому моменту вывозная торговля хлебом в княжествах находилась по преимуществу в руках австрийских подданных [13, S. 259].

Летом и осенью 1853 г. газета сохраняла надежду на скорое урегулирование кризиса [57, S. 4]. Характеристики настроений румынского населения отличались противоречивостью. Писали о протурецкой позиции населения, не забывшего о присоединении Россией Бессарабии [59, S. 5], и об антирусских настроениях жителей Малой Валахии [62, S. 9]. С другой стороны, сообщалось, что свою землю румыны «уже давно считают русской собственностью» [61, S. 4].

До конца 1853 года редакция старалась выдерживать по отношению к России нейтральный тон. Такая позиция заметно контрастирует с негативной стилистикой публикаций 1848–1850 гг., хотя именно тогда Вена нуждалась в поддержке России. Различие, возможно, объясняется стремлением избежать эскалации конфликта на границах империи и вовлечения в него самой Австрии.

В одной из статей прямо признавалось желательным сохранять полное невмешательство и не выставлять наблюдательный корпус на границе, чтобы «избавить нашего августейшего союзника даже от малейшего беспокойства насчет искренности нашего образа мыслей» [64, S. 6].

Постепенная метаморфоза в редакционной политике происходила вместе с изменениями в действиях венского кабинета, объявившего в начале февраля 1854 г. о размещении на границе с Малой Валахией 25-тысячного армейского корпуса, численность которого вскоре была удвоена. «Прессе» отмечала, что эта мера является свидетельством того, что австрийскую политику должны и будут определять только австрийские интересы. Подчеркивалось, что нейтралитет будет сохраняться, пока война не приобретет завоевательный или революционный характер [66, S. 6]. Обозначение такой перспективы было недвусмысленно адресовано России.

Интересно, что, упоминая о русских войсках в княжествах, «Прессе» обращала внимание на заметное присутствие немцев в офицерском корпусе, уточняя, что главные должности все же занимают русские [65, S. 12]. Отмечалось, что между русским и немецким элементом, особенно среди старших офицеров, заметно «ревнивое напряжение» [56, S. 5].

В марте редакция констатировала, что миротворческие усилия Австрии не дали результата. Вовлеченность Вены в конфликт ставилась в зависимость, в том числе, от масштабов революционного брожения в турецких провинциях [67, S. 6]. Таким образом, подчеркивалось, что результатом действий России является рост революционной угрозы. Вновь отмечая неудобства для австрийской торговли, указывали, что этот фактор может повлиять на нейтралитет Австрии [68, S. 6].

Не исключено, что новая расстановка акцентов была напрямую вызвана действиями правительства. Согласно Я. Н. Бутковскому, во второй половине марта 1854 г. австрийское министерство внутренних дел сформулировало основания для руководства печати в восточном вопросе, где говорилось, что Австрия не одобряет русскую политику, а занятие княжеств является нарушением «народного права» [2, С. 43]. Очевидная неизбежность вступления в войну западных держав также должна была способствовать изменениям. Преимущество в разрастающемся конфликте было на стороне противников России, и редакция вслед за венским кабинетом дрейфовала в их сторону.

Отреагировала «Прессе» и на возвращение в европейскую печать темы так называемого «Завещания Петра Великого» – документа, авторы которого приписывали России планы подчинения Европы, а затем и мира [5; 15]. Отмечая несомненную апокрифичность текста, в газете подчеркивали, что часть содержащихся в нем идей была осуществлена [69, S. 3]. Для австрийского читателя документ обладал релевантностью еще и потому, что в нем рекомендовалось противодействие Австрии при внешне дружественной политике. Действия России могли быть интерпретированы как следование именно этому «завету»: союзнические отношения с Веной при поступательном движении на юго-запад. В этой связи петербургский корреспондент «Прессе» указывал, что в русской столице считают Россию призванной к обладанию всей Турцией [70, S. 7].

В начале 1854 г. могло казаться, что события на Балканах и являются началом поглощения Турции, происходившего, если верить «Прессе», под непрерывные хлопки пробок от шампанского, потребляемого русскими офицерами в княжествах [71, S. 6]. Вновь вспомнили о религиозном родстве русских и румын, и о русской церковной благотворительности в княжествах, направленной на их «моральное и религиозное завоевание» [73, S. 1]. Молдавия и Валахия на страницах газеты предстают территорией, с которой русские «православные попы» могут осуществлять агитацию в других районах Балкан [76, S. 1].

Вступление Англии и Франции в войну снизило степень тревоги. С удовлетворением отмечалось, что на этот раз Петербург просчитался, и теперь нет оснований бояться «нового триумфа России» [72, S. 12].

Редакция была хорошо информирована о действиях дипломатии, поскольку уже на следующий день после отправки в Петербург австрийской ноты с требованием очистить княжества сообщила об этом [75, S. 1]. Издание подчеркивало, что на нижнем Дунае затронуты интересы не только Австрии, но всей Германии, и что вместе они обязаны «оградить свое право на будущее» [74, S. 2]. В этом же ключе оценивался австро-пруссский договор 20 апреля 1854 г., оговаривавший необходимость добиться очищения княжеств. Австрия изображалась защитником Германии от опасностей, грозящих с Востока [76, S. 1].

Как и в 1848 г., стали слышны жалобы населения княжеств на притеснения со стороны русских войск [76, S. 2]. Утверждалось, что в провинциях сильны симпатии к Австрии, и с радостью была встречена новость о грядущем вступлении туда австрийцев [77, S. 2]. Публикации этого периода можно расценивать как информационную подготовку австрийской ноты 3 июня и занятия Молдавии и Валахии габсбургскими войсками – событий, ставших рубежными в истории австро-русских отношений.

Заключение

В течение рассмотренного периода можно выделить два всплеска интереса «Прессе» к вопросу влияния России в княжествах: на фоне ввода русских войск в 1848 г. и повторного занятия Молдавии и Валахии в 1853 г. Петербургу приписывалось намерение поглотить эти земли. Отчетливо был замечен страх окружения Австрии Россией и зависимыми от нее территориями. Отмечалось использование Петербургом религиозного фактора среди «схизматического» населения княжеств.

В публикациях проявился образ России со специфическим набором черт. Соседняя империя представляла враждебным образованием, использующим изошренную дипломатию в целях поглощения Турции, а за ней – подчинения Европы. Формировался образ не просто политического конкурента, а чужеродного культурного явления, от которого исходит опасность основам европейской цивилизации. Австрия при этом воспринималась как барьер на пути «восточного варварства». Прозвучала мысль о зависимости Австрии от России. Материалы издания демонстрировали, что Вена тяготеет к роли младшего партнера Петербурга.

Обращает на себя внимание тот факт, что в 1848–1850 гг. австрийская правительственная политика была направлена на сотрудничество с Россией, в то время как в «Прессе» Россия являлась предметом критики. Осень 1849 г. стала одним из пиков антирусской риторики. Тогда как несколько лет спустя редакционная политика в вопросе княжеств в целом совпала с линией, проводимой венским кабинетом, эволюционировав от стремления к миру ко все более враждебной по отношению к России позиции.

На страницах издания княжества предстают объектом австро-русской конкуренции. Но если в 1848–1849 гг. Австрия могла только возмущаться русскими действиями в регионе голосом молодой либеральной прессы, то в 1854 году обстоятельства сложились, как посчитали в Вене, более благоприятно, и Австрия открыто выступила против России. «Прессе» при этом поддержала правительственную линию. Следует отметить, что изучение трактовки газетой присутствия России в Дунайских княжествах делает более объяснимой политику Бальхауспла в период Крымской войны.

Библиография

1. Авербух Р. А. Австрийская революция 1848 г. и Николай I // Красный архив. М., 1938. Т. 4–5 (89–90). С. 155–207.
2. Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политики в восточном вопросе. Т. 2. СПб.: Генри Ханковский и К°, 1888.
3. Водрачка К. Как измеряли дунайское русло // Родина. 2010. № 11. С. 105–109.
4. Гросул В. Я., Чертан Е. Е., Россия и формирование румынского независимого государства. М.: Наука, 1969. 267 с.
5. Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого // Труды Историко-архивного института, Т. 2, М.: Главное архивное управление МВД СССР, 1946. С. 202–270.
6. Жомини А. Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны. М.: Индрик, 2017. 608 с.
7. Медяков А. С. Австро-венгерская империя. От «лоскутной империи» до «лаборатории федерализма»: историческая судьба монархии Габсбургов // Русская мысль. La pensee russe. Париж, № 149/09, Сентябрь 2022. С. 26–31.

8. Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. Отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Наука, 1990. 350 с.
9. Миллер А. И. На границах Европы: ансамбль континентальных империй // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений XII–XX вв. Памяти Т. М. Исламова. Отв. ред. А. С. Стыкалин. СПб.: Алетея, 2009. С. 27–35.
10. Палаузов С. Н. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1859. 296 с.
11. Палаузов С. Н. Австрия со времени революции 1848 года. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1860. 113 с.
12. Сироткина Е. В. «Русская помощь – это несчастье для Австрии»: образ России в общественном мнении Австрии в середине XIX в. // Глобальный научный потенциал. 2013. № 10. С. 64–68.
13. Тарле Е. В. Крымская война // Сочинения: в 12 т. М.: АН СССР, 1959. Т. 8. Ч. 1.
14. Beust F. Aus drei Viertel-Jahrhunderten. Erinnerungen und Aufzeichnungen. Bd. I. Stuttgart: Cotta, 1887.
15. Blanc S. Histoire d'une phobie: le Testament de Pierre le Grand // Cahiers du monde russe et soviétique. 1968. Vol. IX. № 3–4. P. 265–293.
16. Friedjung H. Der Krimkrieg und die österreichische Politik. Stuttgart and Berlin: Cotta, 1907. 198 S.
17. Heppner H. Das Russlandbild in der öffentlichen Meinung Österreichs, 1848–1856. Graz: Selbstverlag, 1975. 262 S.
18. Hübner J. A. Neun Jahre der Erinnerungen eines österreichischen Botschafters in Paris unter dem zweiten Kaiserreich 1851–1859. Bd. I. Berlin: Gebrüder Paetel, 1904.
19. Jelavich B. Russia and the formation of the Romanian national state, 1821–1878. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
20. Die Presse, 4. Juli 1848.
21. Die Presse, 5. Juli 1848.
22. Die Presse, 24. Juli 1848.
23. Die Presse, 31. Juli 1848.
24. Die Presse, 12. August 1848.
25. Die Presse, 13. August 1848.
26. Die Presse, 25. August 1848.
27. Die Presse, 26. August 1848.
28. Die Presse, 1. September 1848.
29. Die Presse, 7. September 1848.
30. Die Presse, 8. September 1848.
31. Die Presse, 12. September 1848.
32. Die Presse, 11. Oktober 1848.
33. Die Presse, 20. Oktober 1848.
34. Die Presse, 11. November 1848.
35. Die Presse, 12. November 1848.
36. Die Presse, 15. November 1848.
37. Die Presse, 17. November 1848.
38. Die Presse, 19. November 1848.
39. Die Presse, 26. Dezember 1848.

40. Die Presse, 20. Februar 1849.
41. Die Presse, 7. März 1849.
42. Die Presse, 10. März 1849.
43. Die Presse, 9. Mai 1849. Представление об эффективности и «коварстве» русской дипломатии начало формироваться в 1830-е гг., во многом благодаря изданию «Портфолио» Д. Уркхарта, и широко распространилось в Европе перед Крымской войной. См. об этом: Groh D. Russland und das Selbstverständnis Europas. Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied: Hermann Luchterhand Verlag, 1961. S. 190.
44. Die Presse, 20. Mai 1849.
45. Die Presse, 3. Oktober 1849.
46. Die Presse, 9. Oktober 1849.
47. Die Presse, 26. Oktober 1849.
48. Die Presse, 25. November 1849.
49. Die Presse, 22. Februar 1850.
50. Die Presse, 27. Februar 1850.
51. Die Presse, 18. Mai 1850.
52. Die Presse, 1. Januar 1853.
53. Die Presse, 8. Mai 1853.
54. Die Presse, 21. Mai 1853.
55. Die Presse, 10. Juni 1853.
56. Die Presse, 31. Juli 1853.
57. Die Presse, 7. August 1853.
58. Die Presse, 9. August 1853.
59. Die Presse, 21. August 1853.
60. Die Presse, 27. August 1853.
61. Die Presse, 16. September 1853.
62. Die Presse, 12. November 1853.
63. Die Presse, 1. Dezember 1853.
64. Die Presse, 13. Januar 1854.
65. Die Presse, 21. Januar 1854.
66. Die Presse, 24. Februar 1854.
67. Die Presse, 8. März 1854.
68. Die Presse, 29. März 1854.
69. Die Presse, 15. April 1854.
70. Die Presse, 23. April 1854.
71. Die Presse, 28. April 1854.
72. Die Presse, 29. April 1854.
73. Die Presse, 24. Mai 1854. Abendblatt.
74. Die Presse, 2. Juni 1854.
75. Die Presse, 4. Juni 1854.
76. Die Presse, 6. Juni 1854. Abendblatt.
77. Die Presse, 28. Juni 1854.

78. Rock K. Schwarzenberg, the Ballplatz, and the Balkans: the Case of the Danubian Principalities, 1848–1852 // *Essays in European History*. Vol. II. Lanham: University Press of America, 1996. P. 153–172.

79. Schroeder P. Austria and the Danubian Principalities, 1853–1856 // *Central European History*. September 1969. № 2. P. 216–236.

80. Schuselka F. Österreich über Alles, wenn es nur will! Hamburg: Hoffmann und Campe, 1848. 20 S.

81. Senner M. Die Donaufürstentümer als Tauschobjekt für die österreichischen Besitzungen in Italien (1853–1866). Stuttgart: Steiner, 1988. 313 S.

82. Seton-Watson R. W. A History of the Roumanians from Roman Times to the Completion of Unity. Cambridge: Cambridge University Press, 1934. 596 p.

83. Unckel B. Österreich und der Krimkrieg. Studien zur Politik der Donaumonarchie in den Jahren 1852–1856. Marburg/Lahn: [S.n.], 1968. 316 S.

84. Wandruszka A. Die österreichische Presse in der franzisko-josephinischen Epoche // *Öffentliche Meinung in der Geschichte Österreichs*. Hrsg. v. E. Zöllner. Wien: Öster. Bundesverlag, 1979. S. 89–94.

85. Wimpffen F. A. Erinnerungen aus der Walachei während der Besetzung durch die österreichischen Truppen in den Jahren 1854–1856. Wien: Carl Gerold's Sohn, 1878. 262 S.

“RUSSIANS, LOCUSTS AND CHOLERA”: THE “PRESS” ON THE PRESENCE OF RUSSIA IN THE DANUBIAN PRINCIPALITIES (1848-1854)

Mikheev M.G.

Lomonosov Moscow State University

Abstract

In the article on the basis of materials of one of the leading liberal newspapers of the Austrian Empire "Die Presse" (The Press) the problem of perception of Russian influence in the Danube Principalities in 1848-1854 by the Austrian public opinion is analyzed. The study shows that Russia was attributed the intention to absorb the principalities, which were the object of Austro-Russian competition and a potential conflict zone. The fear of encirclement of Austria by Russia and its dependent territories was clearly visible. At the same time, attention was drawn to St. Petersburg's use of the religious factor in implementing its policy in a region with a predominantly Orthodox population. The author notes that in the newspaper's publications the image of Russia as a "barbaric East" and at the same time as a "looming northern colossus", a "spruce", with the help of sophisticated diplomacy seeking to absorb Turkey and then to subjugate Europe, became palpable. Russia's expected annexation of the principalities was perceived as the first step on this path. In the pages of the "Press" Russia is not just a political rival, but an alien cultural phenomenon that threatens the foundations of European civilization. Austria is perceived as a barrier to «Eastern barbarism». The materials of the publication demonstrate that Vienna longed for the role of St. Petersburg's junior partner, and in the long run this could become one of the motives determining Austrian foreign policy. It is concluded that the study of the newspaper's interpretation of Russia's presence in the Danube Principalities helps in explaining Austrian policy during the Crimean War.

Keywords

Balkans, Russia, Austria, Danube, Habsburgs, Image of the Other, Austro-Russian relations, Moldavia, Wallachia, Russophobia.